

усилия мы для этого прилагаем, но и от внешних обстоятельств. Во-первых, почти закрыты возможности, связанные с финансированием науки через западные научные фонды, которые на излёте 1990-х — в начале 2000-х годов были обширными. Участие в проектах, финансируемых по программам Еврокомиссии и ЕС, неизмеримо меньше. На практике в рамках совместных программ, например РФФИ и фонда Франции, российская сторона получает деньги из РФФИ, французская — из своего фонда. Иными словами, международ-

верситет сразу задающий вопрос «А где я буду работать?» и ждущий конкретного ответа. Я, конечно, могу привести примеры личных историй успеха наших выпускников, в том числе твою. Но мы же понимаем, что твоя история успеха случилась не сразу после того, как ты получила диплом специалиста. Моя история успеха тоже случилась не сразу в 1998 году, когда я окончила

положение изменится, конечно, можно. Ожидать можно вообще всего чего угодно. Однако действовать мы должны в рамках текущей ситуации и на уровне бакалавриата ушли в большей степени в теоретическое обучение. При этом у нас есть понимание, что, несмотря ни на что, нужно учить не только знаниям и способности их применять, но и умению всё то, что ты знаешь, доносить до других людей. Я считаю, что популяризация научного знания — это важнейшая функция университета. Мы можем этому научить, потому что

Образование — это не покупка услуги, а инвестиция в будущее

ная коллаборация возможна, но финансирование из-за рубежа — почти нет.

На сегодняшний день осталось три источника финансирования академических исследований в области социальных и гуманитарных наук по линии фондов: программа президентских грантов, РНФ и РФФИ. Причём около трёх лет назад в РФФИ, изначально ориентированный на финансирование исследований в области естественных наук, «влили» средства, ранее направляемые гуманитариям из отдельного фонда — РГНФ. Сам фонд закрыли. Средства сократили, спецификацию по отраслям сузили. Однако историки, политологи, филологи нашего университета по-прежнему среди тех, кто стабильно подаёт заявки на гранты и выигрывает.

Оценить объём госзаказа по науке мне сложно. Мы не ищем там деньги. Хотя, наверно, можно было бы.

— Профиль деятельности университета — это одна история. Другая — качество университетского образования. Изменение статуса вуза сказалось на нём?

— Будучи национальным исследовательским университетом, мы имеем право устанавливать свои стандарты. Они максимально приближены к федеральным, но где-то мы можем быть более свободны. При этом есть ряд ограничителей. Ограничитель номер один связан с восприятием образования как услуги. Ограничитель номер два — абитуриент, по приходе в уни-

верситет. История Фёдора Парамонова, Рината Гизатулина, Ивана Колпакова, того же Сапко не случилась здесь и сейчас. Человек не выходит из университета мэром или министром. Приходя в аудиторию к первокурсникам впервые, сразу им говорю: «Ребята, вот вас 50 человек, есть вероятность, что двое-трое или всего один окажутся в академии, начнут заниматься наукой. Кто ещё из вас получится, я не знаю». Понятно, что, обучаясь профессии сварщика в училище, можно окончить его и сразу устроиться работать сварщиком. У нас совсем другая история. Существует множество факторов, которые срабатывают в течение даже не четырёх лет, а гораздо более длительного периода. Ты же помнишь, что, когда училась, были выборы — много и часто. Возможностей организовать процесс реального участия в них студентов была масса. Сейчас мы имеем ситуацию, когда есть календарь выборов, и большие кампании случаются раз в несколько лет. Мы не можем всерьёз считать возможной базой для практики довыборы в условном Куединском районе. Да и качество выборов стало иным. Это обстоятельство совершенно не зависит от нас. Ожидать, что

у нас есть люди, которые этим либо специальным образом, либо от случая к случаю занимаются. Те же Всеволод Бедерсон, Константин Сулимов, Леонид Обухов, Григорий Головчанский, Галина Янковская. Умение говорить просто — это навык, который, на мой взгляд, востребован современным российским обществом. Другой навык — умение писать просто. На сегодняшний день русский вокабуляр, например, политической науки сложился. 20 лет назад его не было. Но если говорить на этом языке где-нибудь в «Сказариуме», боюсь, тебя слушать не будут. Необходимо уметь транслировать сложные вещи понятным публичным языком.

Я оставляю за истфаком право говорить о возможностях прихода наших выпускников в политическую журналистику. Да, я понимаю, что мы заходим на поле конкуренции с отделением журналистики на филфаке. Наши выпускники знают, о чём писать. Наша задача — при формировании новых учебных планов предусмотреть дисциплины, обучающие их, как писать. Тем более что действительность такова, что сейчас из школ часто приходят дети, не умеющие или мало умеющие говорить, не умеющие или мало умеющие писать. Хорошо говорить и писать. И это ещё одно внешнее для нас обстоятельство. Мы работаем с тем контингентом студентов, который получаем. Работаем совсем не так, как работали с вами. Университетское образование образца конца 1990-х —